

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
4 August 2000
Russian
Original: English and French

Комиссия международного права

Пятьдесят вторая сессия

Женева, 1 мая — 9 июня,

10 июля — 18 августа 2000 года

Третий доклад об ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джеймсом Кроуфордом

Добавление

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
V. Ссылка на ответственность перед группой государств или международным сообществом	368–413	3
A. Общие соображения	369–385	3
1. Право любого государства сослаться на ответственность за нарушения обязательств перед международным сообществом	373–375	7
2. Ограничения права сослаться на ответственность от имени другой стороны	376–379	8
3. Вопросы штрафных санкций и процедуры	380–385	9
B. Коллективные контрмеры	386–406	13
1. Обзор практики государств	391–394	15
2. Оценка	395–400	19
3. Предварительное заключение	401–406	21
C. Дополнительные последствия «серьезных нарушений» обязательств перед международным сообществом в целом	407–411	24
D. Резюме выводов, касающихся части второй главы III и части второй <i>бис</i>	412–413	27
VI. Часть четвертая. Общие положения	414–429	29
A. Существующие статьи	415–426	29

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
1. Статья 37 (lex specialis)	415–421	29
2. Статья 39 (связь с Уставом Организации Объединенных Наций) ...	422–426	32
В. Предлагаемые добавления к Части четвертой	427–428	33
С. Резюме выводов в отношении Части четвертой	429	35

*

V. Ссылка на ответственность перед группой государств или международным сообществом

368. В предыдущих разделах настоящего доклада рассматривался спектр последствий ответственности государств для ответственного государства, а также ссылка на ответственность потерпевшим государством или государствами либо путем предъявления международного иска, либо в перспективе путем принятия контрмер. Для завершения работы над проектами статей необходимо рассмотреть две группы вопросов: а) ссылка на ответственность государства перед группой государств, а не только перед непосредственно потерпевшим государством, включая ссылку на ответственность перед международным сообществом в целом, и б) вопрос о заключительных положениях и исключающих оговорках, предусмотренный для части 4 проектов статей. В настоящем разделе доклада эти вопросы рассматриваются поочередно. Поскольку они уже были обсуждены или их обсуждение предусмотрено в ходе работы по этой теме в период с 1998 года, рассматривать их можно с принципиальной точки зрения. В значительной мере правооснования и прецеденты в практике представленных предложений, если они вообще существуют, уже излагались⁷¹⁸.

A. Общие соображения

369. В своем первом докладе Специальный докладчик обстоятельно проанализировал целый ряд вопросов в связи со статьями 19 и 51–53 в отношении «международных преступлений»⁷¹⁹. После всестороннего обсуждения⁷²⁰ Комиссия в предварительном порядке постановила рассматривать эти вопросы следующим образом:

«... было отмечено, что по вопросу о том, как отразить в проектах статей «преступления» и «правонарушения», консенсуса не существует и что предстоит проделать дополнительную работу по поиску возможных путей отражения поднятых вопросов существа. В этой связи было решено, что: а) без ущерба для мнений членов Комиссии проект статьи 19 пока будет отложен, тем временем Комиссия перейдет к рассмотрению других аспектов части первой; б) необходимо проработать вопрос о том, достаточно ли системной разработки в проектах статей таких ключевых понятий, как обязательства (*erga omnes*), императивные нормы (*jus cogens*) и возможной категории наиболее серьезных нарушений международного обязательства, для решения вопросов, возникших в связи со статьей 19...»⁷²¹.

* Специальный докладчик хотел бы выразить признательность Пьеру Бодо, Жаклин Пил, Кристиану Тамсу, Карол Моал и Арно Маса за их помощь в подготовке настоящего раздела доклада.

⁷¹⁸ См., однако, ниже пункты 391–394, в которых рассматривается практика государств в отношении коллективных контрмер.

⁷¹⁹ Первый доклад (A/CN.4/490), пункты 43–101.

⁷²⁰ Подробно описано в Докладе КМП... 1998 год (A/53/10), пункты 241–331.

⁷²¹ Там же, пункт 331.

По этому вопросу появилось много новых публикаций⁷²² и некоторые дополнительные комментарии правительств⁷²³. В некоторых случаях заявленные позиции были подтверждены, хотя при этом наблюдалась также определенная тенденция к признанию идеи о том, что систематическая разработка существующих понятий — обязательства перед международным сообществом в целом, императивные нормы международного права — в сочетании с категорией «грубых» или «вопиющих» нарушений может быть удовлетворительным ответом на замечания, высказанные в связи со статьей 19.

370. Следует подчеркнуть, что принятие проектов статей при общей поддержке Комиссии является весьма желательным, хотя и не обязательным. По мнению Специального докладчика, по статье 19 в том виде, в каком она была принята в первом чтении, по-прежнему консенсуса достигнуть невозможно. Это относится и к любому предложению относительно исключения статьи 19, если оно не сопровождается конкретным признанием важности ответственности государств за нарушения обязательств перед международным сообществом в целом, особенно за наиболее серьезные нарушения.

371. В последующих докладах Специальный докладчик стремился выполнить мандат, изложенный в пункте 369. В кратком изложении он состоит в следующем:

- соблюдение требований императивной нормы общего международного права признается в качестве обстоятельства, исключающего противоправность (статья 29 *бис*), и обязательства, проистекающие из императивных норм, признаются приоритетными в иных отношениях (статья 33(2)(а), предлагаемая статья 47 *бис* (е));
- необходимость не может расцениваться как обстоятельство, исключающее противоправность, когда это наносит серьезный ущерб существенному интересу международного сообщества в целом (статья 33(1)(b); такой

⁷²² См., к примеру, G. Abi-Saab, "The Uses of Article 19", 10 *E.J.I.L.*, 1999, 339; D.W. Bowett, "Crimes of State and the 1996 Report of the International Law Commission on State Responsibility", 9 *E.J.I.L.*, 1998, p. 163; C. Dominicé, "The International Responsibility of States for Breach of Multilateral Obligations", 10 *E.J.I.L.*, 1999, 353; G. Gaja, "Should All References to International Crimes Disappear from the ILC Draft Articles on State Responsibility?", *ibid.*, 365; B. Graefrath, "International Crimes and Collective Security", in K. Wellens (ed.), *International Law: Theory and Practice* (Kluwer, The Hague, 1998) p. 237; A. Pellet, "Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!", 10 *E.J.I.L.*, 1999, 425; A. Pellet, "Vive le crime! Remarques sur les degrés de l'illicite en droit international", in *International Law on the Eve of the Twenty-first Century: Views from the International Law Commission*, New York, United Nations, 1997, 287; P.S. Rao, "Comments on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility Adopted by the International Law Commission", 37 *Indian J.I.L.*, 1997, 673; S. Rosenne, "State Responsibility and International Crimes: Further Reflections on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility", 30 *N.Y.J. Int'l L. & Pol.*, 1998, 145; R. Rosenstock, "An International Criminal Responsibility of State?" in *International Law on the Eve of the Twenty-first Century: Views from the International Law Commission*, New York, United Nations, 1997, 265; O. Triffterer, "Prosecution of States for Crimes of State", 67 *Rev. int. de droit penal*, 1996, 341; K. Zemanek, "New Trends in the Enforcement of *erga omnes* Obligations", 4 *Max Planck Y.B. of the United Nations*, 2000, 1.

⁷²³ Краткое изложение этих мнений см. в A/CN.4/496 (1998), пункты 100–115; A/CN.4/504 (1999), пункты 23, 78–81.

интерес может также рассматриваться в качестве аргумента в пользу государства, делающего ссылку на ответственность;

- термин «потерпевшее государство» прямо предполагает признание общих интересов государств в обеспечении соблюдения обязательств перед международным сообществом в целом (предлагаемая статья 40 *бис*).

Кроме того, в статьях проводится четкое различие между ответственностью государств за нарушения многосторонних и двусторонних обязательств.

372. Вопрос в том, что же остается? Что еще необходимо сделать для выполнения мандата Комиссии? В этом отношении уместно сделать некоторые предварительные замечания.

- Во-первых, необходимо признать, что в сегодняшних международных отношениях первичные средства организации действий в связи с чрезвычайными обстоятельствами, затрагивающими само существование государства или безопасность населения, не входят в сферу охвата вторичных норм ответственности государств. Они, в частности, находятся в ведении компетентных международных организаций, в частности Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи.
- Несомненно, существуют вопросы ответственности и соответствующих действий Совета Безопасности и других организаций в условиях чрезвычайных ситуаций. Тем не менее важно, чтобы такие вопросы касались в равной степени как вещей, которые не делаются, так и вещей, которые делаются плохо, в частности несвоевременное принятие мер, которые могли бы, вероятно, предотвратить катастрофу, официальные обещания гарантировать безопасность «убежищ», которые оказались невыполненными из-за бездействия и отсутствия воли⁷²⁴. Кроме того, какие бы институциональные и иные реформы не предпринимались для решения этих вопросов, они не относятся к числу тех проблем, которые можно разрешить с помощью применения общих вторичных норм ответственности государств.
- По этим и другим причинам уже было предварительно согласовано, что понятие «законные санкции», косвенно выводимое из статьи 30, следует исключить. Санкции, вводимые в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций или на иных законных основаниях в соответствии с международными договорами, выходят за рамки проекта и рассматриваются соответственно в статьях 39 и 37–38⁷²⁵.
- Одной ключевой характеристикой таких санкций является то обстоятельство, что их введение и контроль за их соблюдением требуют организованных коллективных действий. основополагающие системы, включающие комитеты санкций, процедуры выдачи разрешений и утверждения изъятий, рассмотрение вопроса о компенсации потерпевшим

⁷²⁴ См., например, доклад Генерального секретаря во исполнение резолюции 53/35, «Падение Сребреницы», A/54/549 от 15 ноября 1999 года; доклад Комиссии по проведению независимого расследования деятельности Организации Объединенных Наций в период геноцида в Руанде в 1994 году от 15 декабря 1999 года и заявление Генерального секретаря от 16 декабря 1999 года.

⁷²⁵ Статью 38 см. выше, пункты 60–65; статью 37 см. ниже, пункты 415–421; статью 39 см. ниже, пункты 422–426.

третьим государствам в соответствии со статьей 50 Устава, решения о связи между непринудительными санкциями, поддержанием мира и другими мерами, — ни одна из этих мер не может быть реализована в рамках сферы охвата проектов статей, равно как и не имеет никакого смысла дублировать их с помощью каких-либо параллельных систем, которые могут быть предусмотрены⁷²⁶.

- Важным событием в последние годы было создание Международного уголовного суда. События в 90-х годах вновь показали ограниченность результатов от введения санкций в отношении всего населения и существование дилеммы, когда получается, что санкции в отношении нескольких облеченных властью лиц влекут за собой наказание многих других. В тех случаях, когда происходят гуманитарные или иные трагедии или когда они усиливаются в результате преступного поведения отдельных лидеров (являются ли они формально членами правительства или нет), действия в отношении «государства» или его народа не достигают цели. В большинстве случаев преступного поведения в широких масштабах народ соответствующего государства прямо или косвенно является жертвой. В настоящее время разрабатываются механизмы, одним из элементов которых является Римский статут, по привлечению отдельных лиц к ответственности. В этом деле ответственность государств играет определенную, но не главную роль⁷²⁷.
- В частности, не предлагалось, чтобы квалификация преступного характера действий отдельных лиц по международному праву зависела от какого-либо ранее вынесенного решения о преступности соответствующего государства. Если бы это было так, то появились бы трудные вопросы, поскольку либо возникла бы необходимость в вынесении предварительного заключения с обвинением самого государства⁷²⁸, либо государству пришлось бы предстать перед уголовным судом в качестве «заочно» обвиняемого. Это не тот путь, который позволит обеспечить соблюдение процессуальных норм как в отношении государств, так и отдельных лиц⁷²⁹.

⁷²⁶ Любые такие системы должны быть оформлены в договорном порядке, в то время как форма проектов статей еще не определена: см. выше, пункт 6.

⁷²⁷ Роль уголовных или дисциплинарных санкций в отношении отдельных лиц в качестве формы сатисфакции в особых случаях см. выше, пункт 192.

⁷²⁸ Сравните, двухступенчатая процедура, применяемая к «преступным организациям» согласно Уставу Международного военного трибунала (прилагаемому к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 года), статьи 9–11. Весьма сомнительно, являются ли эти положения (которые, разумеется, не применялись к немецкому правительству как таковому) к «принципам международного права», подтвержденным резолюцией 95 (I) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 года. С тех пор они не были отражены ни в одной международной резолюции или договоре.

⁷²⁹ Иногда говорили, что участие государств в преступлении согласно международному закону делает это государство «транспарентным», тем самым лишая защиты его должностных лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений. Однако принцип (подтвержденный в статье 7 Устава Международного военного трибунала и впоследствии еще не раз) относительно того, что должностное положение лица, обвиненного в совершении международного преступления, «не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания», применяется независимо от того, является ли поведение должностного лица частью

Короче говоря, общий закон об ответственности государств может играть только вспомогательную роль в этой области, но такая роль имеется. В соответствии с положениями части I проектов статей государства как таковые могут нести ответственность за грубые нарушения основополагающих обязательств, и последствия такой ситуации соответственно являются существенными: ответственность перед международным сообществом в целом, обязательство прекратить нарушения и полностью возместить причиненный ущерб, особенно путем реституции, и возможность принятия серьезных контрмер, если эти обязательства не будут выполняться. Для уточнения этой роли необходимо доработать некоторые ключевые концепции.

1. **Право любого государства ссылаться на ответственность за нарушения обязательств перед международным сообществом**

373. В контексте ответственности государств уместно было бы начать с понятия обязательств перед международным сообществом в целом. Отсюда можно сделать вывод, что содержание этих обязательств в значительной степени соотносится с содержанием императивных норм. По определению императивная норма должна иметь такой же статус по отношению ко всем государствам⁷³⁰. Она проистекает из общего международного права, и отклонения от нее исходя из местных обстоятельств или обычаев запрещены. Вполне можно предположить, что обязательство может существовать *erga omnes* и может видоизменяться по соглашению между двумя конкретными государствами. Это означало бы, что обязательство не является императивным. Это означало бы также, что в случае отклонения это же самое обязательство не относится к международному сообществу в целом.

374. Как бы то ни было, предлагается рассматривать в качестве сути обязательств перед международным сообществом в целом те несколько норм, которые признаются всеми как универсальные по сфере применения и непреложные в отношении их содержания и в соблюдении которых с юридической точки зрения заинтересованы все государства. Это была категория, которую, по-видимому, Суд имел в виду в его решении по делу «Барселонский городской транспорт»⁷³¹. Нет необходимости (более того, нежелательно) в проектах статей указывать примеры таких норм. Они включают запрещение применения силы в международных отношениях, запрещение геноцида и рабства, право на самоопределение и такие другие обязательства в области прав человека и гуманитарного права, которые признаются непреложными общим международным правом. В комментарии следует четко указать, что в эту категорию входит только небольшое число общепризнанных норм.

375. Что касается этой категории обязательств, то следует признать, что правовой интерес к их выполнению имеют все государства, независимо от того, затрагивает ли их нарушение конкретно кого-либо из них⁷³². Это, как

«преступления государства».

⁷³⁰ См. Венскую конвенцию о праве договоров, 1969 год, статья 53.

⁷³¹ *I.C.J. Reports* 1970, p. 3 at p. 32 (para 33); above, paragraph 97.

⁷³² См. выше, пункты 106–107 и таблицу 1. Здесь уместно провести аналогию с идеей *locus standi* в общественных интересах; можно отметить, что договоры по правам человека и многие другие договоры в целом предоставляют государствам-участникам право ссылаться на ответственность, по крайней мере для того, чтобы добиться констатации

минимум, означает, что все государства имеют правовой интерес к тому, чтобы добиться прекращения всех нарушений этих норм и получить соответствующие заверения и гарантии неповторения. Эта идея должна быть закреплена в проектах статей. Можно отметить отсутствие риска возникновения конфликта или спора, когда некоторые или многие государства добиваются прекращения нарушения или констатации нарушения (или, собственно говоря реституции, когда речь идет о восстановлении объективного положения, *status quo ante* в интересах пострадавшей стороны⁷³³). При этом нельзя ограничиваться использованием ссылок на ответственность только в тех случаях, когда все или практически все государства были бы готовы к конкретным действиям. Необходимо признать, что любое государство-участник обязательства, принятого в коллективных интересах, имеет, как минимум, право выступить с протестом, добиваться прекращения нарушения и констатации нарушения, а в соответствующих случаях и реституции.

2. Ограничения права ссылаться на ответственность от имени другой стороны

376. С другой стороны, даже несмотря на то, что право каждого государства ссылаться на ответственность в связи с обязательствами перед международным сообществом в целом следует признать индивидуальным правом, это право было введено не в личных интересах данного государства, а в общественных интересах. Оно отличается от интереса государства, физического или юридического лица, непосредственно затронутого нарушением (государство, подвергшееся вооруженному нападению, народ, которому отказано в праве на самоопределение...). Государства, непосредственно не затронутые нарушением⁷³⁴, которые демонстрируют правовой интерес к соблюдению, добиваются прекращения нарушения или возмещения не в своих собственных интересах, а в интересах потерпевших сторон и в общественных интересах. Таким образом, в положениях о ссылке на ответственность от имени международного сообщества должна быть, видимо, признана первостепенность интересов фактически пострадавших сторон. Изучая вопрос о том, как этого добиться, необходимо вычлнить случаи, когда пострадавшей стороной является третье государство, а не какая-либо человеческая общность или иной субъект.

Потерпевшее государство

377. В том случае, когда можно определить конкретное потерпевшее государство, коллективные меры, принимаемые в его интересах, в том числе связанные с возмещением, должны приниматься с его согласия⁷³⁵. Трудности могут возникнуть в том случае, если правительство потерпевшего государства было объявлено вне закона или свергнуто, например в результате противоправного вмешательства извне или переворота, и когда у потерпевшего государства нет полномочных представителей. Такие крайние случаи действительно имеют место, но эта проблема должна решаться при помощи

нарушения, не вводя никакого «порогового» требования о том, чтобы они были конкретно затронуты этим нарушением.

⁷³³ См. выше, пункт 113.

⁷³⁴ Такие, как Эфиопия и Либерия, в делах, касающихся *Юго-Западной Африки*, *I.C.J. Reports* 1966, p. 6.

⁷³⁵ См. выше, пункт 109.

существующих норм и практики, касающихся представления интересов государства в чрезвычайных ситуациях, и решаться она должна компетентными международными организациями⁷³⁶. Нельзя допускать внесения путаницы в обычную ситуацию, когда у потерпевшего государства сохраняются полномочные представители на международном уровне.

Другие потерпевшие стороны, помимо государств: народы и население

378. В принципе такое же решение может быть предусмотрено и для случая, когда главной жертвой является не государство, а некая человеческая общность или частное лицо. Однако по вполне понятным причинам в деле обеспечения законного представительства групп людей или частных лиц и ограничения прав других государств поднимать вопросы соблюдения на международном уровне в отсутствие четкого волеизъявления со стороны жертвы или жертв могут возникнуть большие трудности⁷³⁷. В любом случае, такие государства могут быть вполне правомерно обеспокоены проблемами международной законности и необязательно идентифицировать себя с потерпевшими или пытаться представлять их интересы. Уже высказывалось предложение о том, чтобы в частях второй и второй *бис* не затрагивался вопрос о ссылках на ответственность со стороны других субъектов, помимо государств, и в главу I Части второй было рекомендовано внести соответствующую исключаящую оговорку⁷³⁸. Что касается ссылок на ответственность со стороны государства в тех случаях, когда главной жертвой является не государство, а другой субъект, то в проектах статей должно предусматриваться, что любое государство-участник соответствующего коллективного обязательства должно иметь право ссылаться на ответственность, добиваясь прекращения, дачи заверений и гарантий неповторения и, когда это уместно, реституции.

Нарушения коллективных обязательств, не влекущие за собой жертв

379. В том случае, если конкретные потерпевшие стороны отсутствуют (как это может быть в случае с некоторыми обязательствами *erga omnes* в природоохранной области, например связанными с причинением вреда «общему достоянию») и если реституция фактически невозможна, другие государства могут добиваться лишь прекращения, сатисфакции и дачи гарантий неповторения. Впрочем эти моменты опять же имеют важное значение, сами по себе, и любое государство-участник соответствующего коллективного обязательства должно быть правомочно ссылаться на ответственность в этой связи.

3. Вопросы штрафных санкций и процедуры

380. Очевидно, что прекращением, неповторением и реституцией не исчерпываются потенциальные последствия, которые может повлечь за собой нарушение обязательств перед международным сообществом в целом. Другие

⁷³⁶ Данный вопрос рассматривается в S. Talmon, *Recognition of Governments in International Law* (Oxford, Clarendon Press, 1998), где делается попытка вернуть к жизни идею признания правительств в изгнании для решения проблем подобного рода.

⁷³⁷ Ср. проблему представительства, о которой говорит судья Верещетин в своем отдельном заключении по делу, касающемуся *Восточного Тимора*, *I.C.J. Reports*, 1995, p. 90 and p. 135.

⁷³⁸ См. выше, пункт 99, а текст предлагаемого положения см. в пункте 119.

последствия могут включать крупные убытки, свидетельствующие о тяжести нарушения, и даже прямые штрафные санкции. Денежные выплаты, конечно же, стоят на последнем месте в ряду возможных последствий⁷³⁹. Однако вопрос о штрафах или штрафных убытках — это важный «пробный камень». Следует напомнить, что в проектах статей, принятых в первом чтении, штрафные убытки не предусматривались даже в случае «международных преступлений», как они были определены в статье 19⁷⁴⁰. Идея неприменения штрафных убытков в международном праве встретила одобрение даже у тех правительств, которые в противном случае поддержали бы статью 19⁷⁴¹. В самом деле, есть веские основания считать, что в международном праве взыскание штрафных убытков не практикуется⁷⁴². Специальный докладчик считает, что, хотя государства в индивидуальном порядке могут ссылаться на ответственность с целью добиться прекращения и реституции во *всех* случаях, связанных с нарушениями обязательств перед международным сообществом в целом⁷⁴³, следует также задаться вопросом о том, могут ли штрафы или штрафные убытки присуждаться по крайней мере в случае грубых или вопиющих нарушений. Если ответ на этот вопрос будет отрицательным, то действие проектов статей в этой области будет носить лишь ограниченный характер и формирование вторичных последствий путем присуждения штрафов за грубые нарушения придется отложить на будущее. И дело будет обстоять именно так независимо от причин — будь то отсутствие каких бы то ни было положений о штрафных убытках в международном праве, или отсутствие какого бы то ни было механизма для их присуждения, или их неприемлемость для государств по прагматическим соображениям, или невозможность установления подобного режима в документе, не имеющем силы общепризнанного договора⁷⁴⁴.

381. Следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что вокруг статьи 19 и понятия международных преступлений государств развернулись жаркие споры, в практическом отношении почти ничего сделано не было. Были предприняты активные шаги для применения понятия международной уголовной ответственности к определенным преступлениям в рамках международного права, и под эгидой Совета Безопасности ныне действующие принципы международной ответственности были применены к некоторым серьезным нарушениям, в первую очередь к ситуации, сложившейся в результате вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году. Однако и в правовом, и в институциональном отношении процедуры привлечения государств к ответственности за наиболее серьезные нарушения международного права

⁷³⁹ Ср. различные последствия, которые имело для Ирака его вторжение в Кувейт, и последствия, которые имели для Германии в 1945 году Холокост и вторая мировая война.

⁷⁴⁰ В статье 53 нет упоминания о штрафных убытках. Как было показано ранее, Комиссия, принимая статью 45(2)(с), не намеревалась вводить положение о штрафных убытках: см. выше, пункт 190.

⁷⁴¹ См. первый доклад (A/CN.4/490, 1998), пункт 60.

⁷⁴² См. упомянутые решения, там же, пункт 63, и см. выше, пункт 190.

⁷⁴³ См. выше, пункт 375.

⁷⁴⁴ Этим не исчерпывается список возможных причин. Международное сообщество начинает всерьез задумываться о применении штрафных санкций к частным лицам, включая нынешних и бывших государственных деятелей, которые совершили вопиющие международные преступления. Эта задача может быть сочтена более насущной и актуальной, чем взимание штрафов с государств и (косвенным образом) с их населения.

остаются, по существу, теми же, какими они были в тот период, когда статья 19 была впервые предложена и принята.

382. Эту ситуацию можно сравнить с режимом, действующим на основании законодательства Европейского союза, до настоящего времени наиболее развитой наднациональной нормативной системы. В частности, можно сослаться на статью 228 Договора Европейских сообществ (бывшая статья 171), в которой предусматривается следующее:

«1. Если Суд сочтет, что государство-член не выполнило какое-либо из обязательств по настоящему Договору, этому государству потребуются принять необходимые меры для выполнения решения Суда.

2. Если Комиссия сочтет, что соответствующее государство-член не приняло таких мер, то она, дав вначале этому государству возможность представить свои замечания, подготовит аргументированное заключение с указанием тех моментов, по которым соответствующее государство-член не выполнило решение Суда.

Если соответствующее государство-член не примет необходимых мер для выполнения решения Суда в течение срока, установленного Комиссией, последняя может передать это дело в Суд. При этом она укажет размер паушальной суммы или штрафа, присуждаемых соответствующему государству-члену, который она сочтет уместным в данных обстоятельствах.

Если Суд сочтет, что соответствующее государство-член не выполнило его решения, он может взыскать с него паушальную сумму или штраф...»⁷⁴⁵.

В 1996 году Европейская комиссия приняла руководящие указания по применению этого положения, а в 1997 году она приняла дополнительные указания по методам исчисления штрафных сумм. Первый случай, в котором эти положения были реально применены против государства, произошел в 2000 году, когда Суд Европейских сообществ присудил штраф за постоянное нарушение законодательства ЕС в размере 20 000 экю в день. Этот штраф был присужден за регулярный сброс вредных отходов в реку. В своем заключении Суд кратко описал последствия применения руководящих указаний Комиссии по взысканию штрафов следующим образом:

«В меморандуме 96/С 242/07 указывается, что решения о размере штрафа или штрафной неустойки должны приниматься с учетом той цели, которая при этом преследуется, а именно обеспечения строгого соблюдения законодательства Сообщества. В этой связи Комиссия считает, что сумма должна исчисляться на основе трех главных критериев: серьезности нарушения, его длительности и необходимости обеспечить, чтобы сам по себе штраф имел сдерживающий эффект, исключив возможность продолжения этого нарушения и совершения новых нарушений. В сообщении 97/С 63/02 указываются математические переменные,

⁷⁴⁵ Эта процедура, как утверждается, не наносит ущерба статье 227, которая позволяет любому государству-члену, считающему, что другое государство-член не выполнило какого-либо из обязательств по Договору, передать это дело в Суд в целях деклараторной защиты. Однако статья 228 — это единственная статья, на основании которой государствам-членам могут присуждаться штрафные убытки.

используемые для расчета суммы штрафных платежей, — единообразная сумма по фиксированной ставке, коэффициент серьезности, коэффициент длительности и показатель, призванный отразить платежеспособность государства-члена и одновременно обеспечить, чтобы штрафная выплата была соразмерной нарушению и имела сдерживающий эффект, будучи рассчитанной на основе валового внутреннего продукта государств-членов и веса их голосов в Совете»⁷⁴⁶.

Суд отметил, что эти руководящие указания «помогают добиться того, чтобы действия [Комиссии] были транспарентными, предсказуемыми, последовательными и однозначными с правовой точки зрения, и призваны обеспечить соразмерность сумм штрафных выплат, которые предлагается присудить»⁷⁴⁷. Он одобрил мысль о том, что при определении размера штрафных сумм должны учитываться национальный ВВП и вес данного государства при голосовании в Совете, на том основании, что это «позволяет отразить платежеспособность государства-члена при сохранении разброса между государствами-членами в разумных пределах»⁷⁴⁸. Он пришел к выводу о том, что

«основными критериями, которые должны учитываться для обеспечения того, чтобы штрафные выплаты носили принудительный характер и чтобы законодательство Сообщества применялось единообразно и эффективно, являются, в принципе, длительность нарушения, степень его тяжести и платежеспособность государства-члена. При применении этих критериев необходимо учитывать, в частности, последствия несоблюдения для частных и общественных интересов и необходимость заставить соответствующее государство-член выполнить свои обязательства. В нынешнем случае с учетом характера нарушений обязательств, которые продолжаются и по сей день, уплата штрафа является наилучшим средством для данных обстоятельств»⁷⁴⁹.

Сокращая размер штрафа, предложенный Комиссией, Суд учел тот факт, что не все продолжающиеся нарушения ранее принятого решения, о которых говорит Комиссия, были доказаны. Вместе с тем продолжающиеся нарушения ввиду их способности «создать прямую угрозу для здоровья людей и причинить вред окружающей среде», а также их несовместимости с природоохранной политикой ЕС должны были рассматриваться как «особо серьезные»⁷⁵⁰.

383. Как будет эволюционировать предусмотренная статьей 228 процедура взимания штрафов — это вопрос будущего, и эта процедура действует, разумеется, только в рамках законодательства ЕС как такового, а не международного права. Вместе с тем здесь можно отметить ряд моментов:

⁷⁴⁶ Дело С-387/97, *Комиссия Европейских сообществ против Греческой Республики*, решение от 4 июля 2000 года, пункты 85–86, где цитируется меморандум ЕС 96/С 242/07, 21 августа 1996 года (*О.Ж.Е.С.* 1996 С 242 р. 6) и сообщение 97/С 63/02, 28 февраля 1997 года (*О.Ж.Е.С.* 1997 С 63 р. 2).

⁷⁴⁷ Решение от 4 июля 2000 года, пункт 87.

⁷⁴⁸ Там же, пункт 88; ср. там же, пункт 89, где руководящие указания ЕС называются «полезной отправной точкой».

⁷⁴⁹ Там же, пункт 92.

⁷⁵⁰ Там же, пункт 94.

- данная процедура показывает, что, несмотря на изредка высказываемые противоположные мнения, в понятии государства или договорных правоотношений нет ничего, что а priori исключало бы возможность введения штрафных санкций;
- штрафные санкции в статье 228 не называются «уголовными», и их цель, по крайней мере главная, состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение⁷⁵¹;
- они налагаются только в особых случаях, по просьбе какого-либо из коллективных органов, после проведенного в два этапа разбирательства в суде с общей и обязательной юрисдикцией и со всеми атрибутами надлежащей правовой процедуры;
- они применяются в условиях, исключающих возможность принятия контрмер⁷⁵².

384. Для Специального докладчика очевидно, что на нынешнем этапе развития международного права условия для регулярного применения штрафных санкций к государствам еще не сформировались и что они могут быть созданы лишь с большим трудом. Суд говорил о необходимости транспарентности, однозначности и соразмерности. Таковы общие юридические требования надлежащей правовой процедуры в уголовных делах. Они не свойственны одним только правовым подсистемам, таким, как система Европейского союза.

385. Однако если дело взыскания штрафов или применения аналогичных санкций к государствам в отсутствие надлежащих институтов и процедур и сопряжено с трудностями, то существует, с другой стороны, практика принятия контрмер с тем, чтобы побудить государство выполнить свои международные обязательства. Такие контрмеры, за исключением специальных режимов, не требуют предварительного исчерпания средств правовой защиты, не говоря уже о предварительной судебной санкции⁷⁵³. Если потерпевшее государство правомочно применять контрмеры как некое децентрализованное средство получения сатисфакции, то возникает вопрос о том, почему в этом деле его не могут поддержать другие государства, которые сами имеют общепризнанный интерес к соблюдению нарушенного обязательства. Встает и другой вопрос: следует ли допустить применение «коллективных контрмер» одним или несколькими государствами, столкнувшимися с нарушением некоего обязательства перед международным сообществом в целом, которое не наносит непосредственного ущерба никакому государству (например, в области прав человека или в связи с внутренним вооруженным конфликтом)?

В. Коллективные контрмеры⁷⁵⁴

⁷⁵¹ Суд отклонил аргумент респондента о том, что судопроизводство является недопустимым, поскольку штраф содержит в себе ретроспективный элемент. Он отметил, что «выдвинутый аргумент ... касающийся уместности применения при установлении размера штрафа факторов и критериев, относящихся к прошлому, неотделим от рассмотрения существа дела, в частности в том, что касается цели штрафных выплат согласно статье 171(2) Договора»: там же, пункт 42.

⁷⁵² См. выше, пункт 343.

⁷⁵³ См. выше, пункт 355.

⁷⁵⁴ Эти вопросы обстоятельно рассматриваются в работе L-A. Sicilianos, *Les réactions décentralisées à l'illicite* (Paris, LDGJ, 1990), pp. 110–175 (далее — Sicilianos). См. также

386. В одном из предыдущих разделов настоящего доклада рассматривались положения о контрмерах, принятые в первом чтении, в той степени, в какой они касались действий, предпринятых потерпевшими государствами в узком смысле этого слова (т.е. согласно определению, предложенному в статье 40 *бис* (1)). Вопрос заключается в том, до какой степени другие государства могут законно отстаивать право реагировать на нарушения коллективных обязательств, сторонами которых они являются, даже если они и не оказались потерпевшими в этом узком смысле. Простоты ради эти случаи будут рассматриваться в разделе «Коллективные контрмеры». Они не ограничены ситуациями, когда некоторые или многие государства действуют согласованно. Коллективный элемент может быть также привнесён тем обстоятельством, что реагирующее на нарушение государство отстаивает право отреагировать, в общественных интересах, на нарушение того или иного многостороннего обязательства, стороной которого оно является, хотя лично его это нарушение не затрагивает, или же тем обстоятельством, что принимаемые меры координируются рядом затронутых государств.

387. Важно проводить различие между индивидуальными контрмерами, принимаемыми одним государством или группой государств, каждое из которых действует в своем личном качестве и через свои собственные органы, с одной стороны, и организованной реакцией в рамках международных организаций, с другой. Эта последняя ситуация, например когда в действие вступают положения главы VII Устава Организации Объединенных Наций, проектами статей не охватывается⁷⁵⁵. Если говорить в более общем плане, то проектами статей не охватываются случаи, когда действия предпринимаются какой-либо международной организацией, даже несмотря на то, что государства-члены направляют или контролируют ее поведение⁷⁵⁶.

388. Другое важное различие следует проводить между «недружественной», но не противозаконной реакцией на поведение другого государства (реторсия) и реакцией, которая несовместима с международными обязательствами государства и оправдывается, если она вообще как-либо оправдывается, необходимостью принятия законных контрмер. Хотя на практике провести это различие может быть иногда весьма нелегко, особенно в контексте коллективных действий, оно имеет ключевое значение для целей установления ответственности государств. В сферу действия проектов статей попадают только контрмеры в строгом смысле этого слова⁷⁵⁷. Так, контрмеры не

M. Akehurst, "Reprisals by Third States", 44 *B.Y.I.L.* (1970) 1; J.I. Charney, "Third State Remedies in International Law", (1989) 10 *M.J.I.L.* 57; J.A. Frowein, "Reactions by Not Directly Affected States to Breaches of Public International Law", 248 *Recueil des cours* (1994-IV) 345; D.N. Hutchinson, "Solidarity and Breaches of Multilateral Treaties", 59 *B.Y.I.L.* (1988) 151; B. Simma, "From Bilateralism to Community Interest in International Law", (1994) 250 *Recueil des cours* (1994-VI) 217.

⁷⁵⁵ См. нынешнюю статью 39, рассматриваемую ниже, пункты 422–426.

⁷⁵⁶ См. ниже, пункт 428, где предлагается исключить из сферы действия проектов статей вопросы, касающиеся ответственности за действия международных организаций.

⁷⁵⁷ Так, коллективные дипломатические бойкоты, прекращение государственных визитов или спортивных контактов и т.п. не являются нарушением международного права, и, хотя их цели и могут быть враждебными или недружественными, они не означают принятия контрмер. Коллективные действия ОАЕ против режима апартеида в Южной Африке, как представляется, также не заключали в себе контрмер в строгом смысле этого слова ввиду

включают в себя политику коллективного непризнания — независимо от того, является ли такое непризнание обязательным⁷⁵⁸ или нет.

389. В-третьих, следует четко различать ненасильственные контрмеры и реакцию, предполагающую использование силы. Меры, предусматривающие применение силы в международных отношениях, и меры, иным образом охватываемые статьей 2(4) Устава, регламентируются соответствующими первичными правилами и не попадают в сферу действия вторичных обязательств, охватываемых проектами статей. Об этом уже говорилось в контексте нынешней статьи 50⁷⁵⁹.

390. С учетом вышесказанного предлагается, во-первых, вкратце рассмотреть некоторые примеры недавнего применения коллективных контрмер, согласно данному определению, во-вторых, попытаться оценить эту практику и, в-третьих, в свете этой практики обсудить вопрос о том, какие положения следует предусмотреть в проектах статей. Необходимо подчеркнуть, что речь не идет о *внесении* в проекты статей положений о коллективных контрмерах. Проекты статей в том виде, в каком они были приняты в первом чтении, позволяли любому потерпевшему государству (общее определение которого содержится в первоначальной статье 40) принимать контрмеры от своего собственного лица вне зависимости от того, как может поступить любое другое государство, и, в частности, без учета мнений или реакции потерпевшего государства. Недостатки столь широкого подхода к коллективным контрмерам уже обсуждались⁷⁶⁰. Вопрос, таким образом, состоит скорее в том, каким образом ныне ничем не ограниченное и несогласованное положение о коллективных контрмерах, создаваемое статьей 40 в совокупности со статьей 47, надлежит ограничить и зарегулировать.

1. Обзор практики государств

391. В целом ряде случаев государства реагировали на нарушения коллективных обязательств, хотя они не могли утверждать, что им нанесен вред по смыслу статьи 40 *бис* (1). Реакция принимала форму экономических санкций (вопреки договорным обязательствам) или иных мер (например, прекращение воздушных связей в нарушение двусторонних договоров о воздушном сообщении; замораживание активов). Примеры этого включают в себя:

- *США — Уганда (1978 год)*. В октябре 1978 года конгресс Соединенных Штатов принял законодательство, запрещающее экспорт товаров и

отсутствия соответствующих договорных обязательств с Южной Африкой в сфере торговли, авиации и т.п. См. K.W. Ferguson-Brown, "The Legality of Economic Sanctions against South Africa in Contemporary International Law", 14 *South African Yearbook of International Law*, p. 59 (1988–1989); ср. C.J.R. Dugard, "The Organization of African Unity and Colonialism" (1967) 16 *I.C.L.Q.* 157 (где речь идет о самообороне, а не о контрмерах). Коллективные меры против Родезии были приняты на основании главы VI, а позднее главы VII Устава: см. V. Gowlland-Debbas, *Collective Responses to Illegal Acts in International Law* (Nijhoff, Dordrecht, 1990) ch. 5.

⁷⁵⁸ Как, например, в ситуации, рассмотренной Международным Судом в *Namibia Opinion*, *I.C.J. Reports* 1971, p. 16.

⁷⁵⁹ См. выше, пункт 335.

⁷⁶⁰ См. выше, пункты 109, 114.

технологии в Уганду и любой импорт из нее⁷⁶¹. Будучи членами ГАТТ, Соединенные Штаты и Уганда согласно своим обязательствам не должны были вводить общих экспортных ограничений и квот в своих экономических отношениях⁷⁶². Тем не менее, Соединенные Штаты не руководствовались предусмотренными ГАТТ исключениями: в законе было указано, что «правительство Уганды ... совершило геноцид в отношении угандийцев» и что «Соединенным Штатам следует предпринимать шаги, направленные на то, чтобы дистанцироваться от любого иностранного правительства, совершающего международное преступление геноцида»⁷⁶³.

- *Некоторые западные страны — Польша и Советский Союз (1981 год)*. 13 декабря 1981 года после передвижения советских войск вдоль восточной границы Польши правительство Польши ввело военное положение и впоследствии запретило демонстрации и подвергло задержанию 12 500 диссидентов⁷⁶⁴. После прозвучавших в речах отдельных членов Организации Объединенных Наций осуждений Соединенные Штаты и другие западные страны приняли меры, направленные против как Польши, так и Советского Союза. Помимо недружественных актов, эти меры включали в себя немедленное приостановление договоров, предусматривающих права на посадку воздушных судов Аэрофлота в Соединенных Штатах и компании ЛОТ в Соединенных Штатах, Великобритании, Франции, Нидерландах, Швейцарии и Австрии⁷⁶⁵. Во всех этих случаях предусмотренные в соответствующих договорах процедуры приостановления были проигнорированы, и, таким образом (если их противоправность не была заранее исключена), эти меры являлись нарушением международного права⁷⁶⁶.
- *Коллективные меры против Аргентины (1982 год)*. В апреле 1982 года, когда Аргентина взяла под свой контроль часть Фолклендских (Мальвинских) островов, Совет Безопасности призвал к немедленному уходу Аргентины⁷⁶⁷. После поступившей от Соединенного Королевства просьбы члены Европейского сообщества, Австралия, Новая Зеландия и Канада не ограничились устными осуждениями и ввели торговые санкции. Эти санкции включали в себя временный запрет на любой импорт аргентинской продукции, что противоречило статье XI:1 и, возможно, статье III ГАТТ. Представляется сомнительной возможность оправдания этих мер связанным с соображениями национальной безопасности исключением, предусмотренным в статье XXI(b)(iii) ГАТТ⁷⁶⁸. Кроме того, введенное европейскими странами эмбарго означало

⁷⁶¹ Uganda Embargo Act, 22 USC s. 2151 (1978), §§ 5c, 5d.

⁷⁶² Ср. ГАТТ, art. XI:1.

⁷⁶³ 22 USC s. 2151 (1978), §§ 5c, 5d.

⁷⁶⁴ Ср. С. Rousseau, "Chronique des faits internationaux", (1982) 86 *R.G.D.I.P.* at pp. 603–4.

⁷⁶⁵ Sicilianos, pp. 161–2; Rousseau, (1982) 86 *R.G.D.I.P.* на p. 607.

⁷⁶⁶ См., например, статью XV соглашения между США и Польшей 1972 года, 23 U.S.T. 4269; статью XVII соглашения между США и Советским Союзом 1967 года, (1967) 6 I.L.M. 82, (1968) 7 I.L.M. 571.

⁷⁶⁷ Резолюция 502 (1982) Совета Безопасности от 3 апреля 1982 года.

⁷⁶⁸ Применение западными странами этого положения оспаривалось другими членами ГАТТ, ср. Communiqué of western countries, GATT L. 5319/Rev.1 и заявления Испании и Бразилии,

также приостановление прав Аргентины по двум секторальным соглашениям о торговле текстильной продукцией и торговле бараниной⁷⁶⁹, в отношении которых исключения ГАТТ, связанные с безопасностью, не применяются.

- *США — Южная Африка (1986 год)*. Когда в 1985 году правительство Южной Африки объявило чрезвычайное положение на значительной части территории страны, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций рекомендовал установить секторальные экономические бойкоты и заморозить отношения в области культуры и спорта⁷⁷⁰. Впоследствии некоторые страны приняли меры, которые выходили за рамки рекомендованных Советом Безопасности и *prima facie* влекли за собой нарушение международного права. К примеру, конгресс Соединенных Штатов принял Всеобъемлющий акт против апартеида, который немедленно приостанавливал права на посадку воздушных судов компании «Южноафриканские авиалинии» на территории Соединенных Штатов⁷⁷¹. Такое немедленное приостановление прав противоречило условиям соглашения между США и Южной Африкой о воздушном сообщении 1947 года⁷⁷² и обосновывалось как мера, которая призвана побудить правительство Южной Африки «принять меры, ведущие к установлению нерасовой демократии»⁷⁷³.
- *Коллективные меры против Ирака (1990 год)*. 2 августа 1990 года иракские войска вторглись в Кувейт и оккупировали его. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций сразу же осудил это вторжение как нарушающее международный мир и безопасность и с 6 августа и в последующий период принял ряд резолюций, узаконивающих ответные меры государств-членов по восстановлению правительства Кувейта. Даже до того, как Совет Безопасности санкционировал меры государств-членов, государства — члены Европейского сообщества и Соединенные Штаты ввели торговое эмбарго и постановили заморозить активы Ирака⁷⁷⁴. Эти меры были приняты в качестве прямого ответа на вторжение Ирака и, по крайней мере первоначально, не были узаконены резолюциями Совета Безопасности.
- *Коллективные меры против Югославии (1998 год)*. В ответ на гуманитарный кризис в Косово государства — члены Европейского сообщества приняли законодательство, предусматривающее замораживание югославских активов и немедленный запрет на полеты воздушных судов⁷⁷⁵. Применительно к ряду стран, таким, как Германия,

GATT Doc. C/M/157, pp. 5–6. Анализ см. в Н. Hahn, *Die einseitige Aussetzung von GATT-Verpflichtungen als Repressalie* (Berlin, Springer, 1996), pp. 328–34; Sicilianos, p. 163.

⁷⁶⁹ Тексты договоров приводятся в: *O.J.E.C.*, 1979, L 298, p. 2; *O.J.E.C.*, 1980, L 275, p. 14.

⁷⁷⁰ Резолюция 569 (1985) Совета Безопасности от 26 июля 1985 года. Другие ссылки см. Sicilianos, p. 165.

⁷⁷¹ САА, s. 306, в (1987) 26 I.L.M. 79; Имплементационное постановление, *ibid.*, p. 104.

⁷⁷² 66 U.N.T.S. 233, art. VI.

⁷⁷³ Имплементационное постановление, см. (1987) 26 I.L.M. 105 (касательно САА, s. 4).

⁷⁷⁴ См., например, President Bush's Executive Orders of 2 August 1990, в (1990) 84 *A.J.I.L.* pp. 903–5.

⁷⁷⁵ Общие позиции от 7 мая и 29 июня 1998 года, *O.J.E.C.* 1998, L 143 (p. 1) и L 190 (p. 3); осуществленные посредством постановлений ЕС 1295/98 (L 178, p. 33) и 1901/98

Франция и Соединенное Королевство, последняя мера означает нарушение двусторонних соглашений о воздушном сообщении⁷⁷⁶. Ввиду сомнений относительно законности этой меры правительство Великобритании первоначально было готово применить предусмотренную в статье 17 его соглашения с Югославией процедуру одногодичного уведомления об отмене. Тем не менее, позднее оно изменило свою позицию и немедленно отменило полеты. Обосновывая эту меру, оно заявило, что «ухудшающийся послужной список президента Милошевича в области прав человека означает, что в моральном и политическом плане он лишил свое правительство права настаивать на обычно применяемом 12-месячном уведомлении»⁷⁷⁷. Союзная Республика Югославия опротестовала эти меры как «противоправные, односторонние и являющиеся примером политики дискриминации»⁷⁷⁸.

392. В некоторых других случаях «заинтересованные» государства аналогичным образом приостанавливали действия договорных прав, чтобы оказать давление на государства, нарушающие коллективные обязательства. Вместе с тем они не применяли право на контрмеры, а вместо этого обращались к праву на приостановление договора ввиду коренного изменения обстоятельств. Дважды примерами могут служить:

- *Нидерланды — Суринам (1982 год)*. В 1980 году военное правительство захватило власть в бывшей голландской колонии Суринаме. В ответ на репрессии нового правительства в отношении оппозиционных движений в декабре 1982 года голландское правительство приостановило действие двустороннего договора об оказании помощи в области развития, в соответствии с которым Суринам имел право на финансовые субсидии до 1985 года⁷⁷⁹. Хотя сам договор не содержал каких бы то ни было положений о приостановлении или прекращении действия, голландское правительство заявило, что нарушения прав человека в Суринаме представляют собой коренное изменение обстоятельств, которое порождает право на приостановление действия⁷⁸⁰.
- *Государства-члены ЕС — Югославия (1991 год)*. Аналогичные доводы приводились государствами-членами ЕС в отношении Югославии. Осенью 1991 года в ответ на возобновление военных действий в Югославии члены ЕС приостановили, а впоследствии денонсировали Соглашение о сотрудничестве с Югославией 1983 года⁷⁸¹. Это привело к

(L 248, p. 1).

⁷⁷⁶ См., например, U.K.T.S. 1960, No. 10; R.T.A.F. 1967, No. 69.

⁷⁷⁷ Ср. “UK Materials on International Law 1998”, (1998) 69 *B.Y.I.L.*, pp. 58021. Позиция Великобритании кратко приводится и в “UK Materials on International Law 1999”, (1999) 70 *B.Y.I.L.* pp. 555–6.

⁷⁷⁸ Заявление правительства Союзной Республики Югославии о приостановлении полетов воздушных судов югославских авиалиний от 10 октября 1999 года: S/1999/216.

⁷⁷⁹ Lindemann, “Die Auswirkungen der Menschenrechtsverletzungen auf die Vertragsbeziehungen zwischen den Niederlanden und Surinam”, (1984) 44 *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht* pp. 68–69. Текст соответствующего договора приводится в *Tractatenblad* 1975, No. 140.

⁷⁸⁰ P. Siekmann, “Netherlands State Practice for the Parliamentary Year 1982–1983” (1984) 15 *Netherlands Yearbook of International Law* 321.

⁷⁸¹ *O.J.E.C.* 1983, L 41, p. 1. Приостановление см. в *O.J.E.C.* 1991, L 315, p. 1, а денонсацию см. в L 325, p. 23.

общей отмене торговых преференций в отношении импорта и, таким образом, вышло за рамки эмбарго на поставки оружия, введенного Советом Безопасности в его резолюции 713 (1991) от 25 сентября 1991 года. Эта реакция была не совместимой с условиями Соглашения о сотрудничестве, в котором не предусматривалось немедленного приостановления, а предусматривалась лишь денонсация после шестимесячного уведомления⁷⁸². Обосновывая приостановление, государства-члены ЕС прямо упомянули угрозу миру и безопасности в регионе. Но, как и в случае с Суринамом, они сослались на коренное изменение обстоятельств, а не на осуществление права на принятие контрмер⁷⁸³.

393. Эти примеры носят скорее иллюстративный, чем исчерпывающий характер. Они указывают на определенное желание некоторых государств прибегать к контрмерам в ответ на нарушение коллективных обязательств. В других случаях не всегда легко решить, связаны ли уже действия с поведением, не соответствующим международным обязательствам, или мы имеем дело со случаями недружественных, но правомерных актов реторсии. В качестве примера можно упомянуть меры, принятые западными странами против Советского Союза после вторжения в Афганистан. Хотя большинство из принятых мер, вероятно, представляли собой акты реторсии, наиболее спорная реакция, а именно эмбарго Соединенных Штатов на экспорт зерновых, возможно, явилась нарушением их обязательства перед Советским Союзом в рамках двусторонних соглашений⁷⁸⁴.

394. В ряде других случаев представляется, что «заинтересованные» государства, по крайней мере, применяли свое право на обращение к контрмерам в ответ на нарушение коллективных обязательств, хотя их фактические ответные меры не достигали характера контрмер. В этой связи можно упомянуть о различных принятых на встречах на высшем уровне «Г-7» заявлениях о коллективных действиях в отношении стран, укрывающих лиц, совершающих террористические акты в отношении авиалиний⁷⁸⁵. Реакция некоторых государств в поддержку Соединенных Штатов по их просьбе во время кризиса, касавшегося дипломатического и консульского персонала, указывает на то, что реагировавшие государства были готовы принять контрмеры, хотя есть основания полагать, что принятые на деле меры остались лишь простыми актами реторсии⁷⁸⁶.

2. Оценка

⁷⁸² Ср. статья 60(2) Соглашения.

⁷⁸³ Европейский суд также опирался на право договоров, а не на право ответственности государств при вынесении решения о действительности постановления ЕС, о котором идет речь: см. *Case C-162/96, A. Racke GmbH & Co. v. Hauptzollamt Mainz*, judgment of 16 June 1998, paras. 53–59.

⁷⁸⁴ Хотя условия соглашения были соблюдены, правительство США в одностороннем порядке дало разрешение на закупку зерновых в более значительном объеме. Это было аннулировано в результате введенного США эмбарго. См. *Sicilianos*, p. 158.

⁷⁸⁵ См. *Bonn Declaration*, (1978) 17 I.L.M. 1285. С последующими заявлениями можно ознакомиться в (1981) 20 I.L.M. 956; (1986) 25 I.L.M. 1005.

⁷⁸⁶ Ср. анализ в J.A. Frowein, “Reactions by not Directly Affected States to Breaches of International Law” (1994) 248 *Recueil des Cours* 417; *Sicilianos*, pp. 159–160.

395. Обзор показывает, что в значительном числе случаев государства, не являвшиеся «потерпевшими» по смыслу статьи 40 *бис* (1), принимают меры в отношении государства-объекта мер в ответ на предшествующие нарушения коллективных обязательств этим государством. Кроме того, по крайней мере в некоторых случаях, эти меры сами по себе являлись нарушением (или в иных случаях являлись бы нарушением) обязательств государства, принимающего меры в отношении государства-объекта. Как представляется, это указывает на то, что право обращаться к контрмерам не может ограничиваться жертвами нарушения, о котором идет речь, но может также порождаться нарушениями коллективного обязательства, как они были определены ранее в настоящем докладе⁷⁸⁷.

396. Вместе с тем это заявление должно сопровождаться целым рядом оговорок.

- Во-первых, приходится откровенно признать, что в применении этой практики доминирует особая группа государств (т.е. западные государства). Наблюдается мало случаев, в которых, к примеру, государства Африки или Азии принимали коллективные контрмеры⁷⁸⁸.
- Во-вторых, практика носит селективный характер; в большинстве случаев, касающихся нарушения коллективных обязательств, за исключением устных осуждений, никаких ответных мер вообще не принималось.
- В-третьих, даже при применении принудительных мер, они не всегда определялись как контрмеры. Решение голландского правительства сослаться на коренное изменение обстоятельств для приостановления действия своего договора с Суринамом, как представляется, подразумевает предпочтение других концепций⁷⁸⁹.

397. Необходимо признать, что практика не позволяет сделать ясных выводов относительно наличия права у государств обращаться к контрмерам в отсутствие вреда по смыслу статьи 40 *бис* (1). С другой стороны, можно сделать ряд наблюдений.

398. Прежде всего, как представляется, не существует различия, основанного на правовом источнике коллективного обязательства, которое было нарушено. В приведенных примерах государства реагировали на нарушение конвенционного, а также обычного международного права. Разумеется, применение контрмер будет исключено в ответ на нарушение договоров, которые в целом исключают применение общих норм международного права или которые содержат свои собственные положения в отношении санкционирования коллективных мер. Однако, с другой стороны, простое

⁷⁸⁷ См. пункты 83, 92 выше.

⁷⁸⁸ За исключением коллективных мер в контексте Южной Африки, см. сноску 758 выше.

⁷⁸⁹ Пункт 392 выше. Можно отметить, что по статье 62 Венской конвенции о праве договоров к коренному изменению обстоятельств применяются строгие условия, как это было в случае толкования и применения их, к примеру, в рамках *дела о проекте Габчиково–Надьямарош*, *I.C.J. Reports*, 1997, р. 7. Соответственно представляется сомнительной применимость такой доктрины во многих этих случаях. Суть, вместе с тем, состоит в том, что в некоторых случаях правительство предпочитает опираться не на контрмеры, а на иные (возможно, неприменимые) основания для прекращения договоров.

существование конвенционных рамок, включая механизмы наблюдения (например, в области прав человека), не рассматривалось как исключаящее обращение к контрмерам.

399. Кроме того, несмотря на избирательность практики, ни один из случаев не касается изолированных или незначительных нарушений коллективных обязательств. Если государства обращались к контрмерам в ответ на нарушения коллективных обязательств, то нарушение рассматривалось как достигшее определенного предела⁷⁹⁰. Действительно, приведенные примеры касаются некоторых из самых крупных политических кризисов последнего времени. При всей должной осторожности, представляется возможным сказать, что меры в порядке реагирования принимались лишь в ответ на серьезные нарушения коллективных обязательств.

400. И наконец, в случаях, касающихся одного прямо потерпевшего государства (т.е. государства-жертвы, а также других «заинтересованных» третьих государств), реакция потерпевшего государства, как представляется, рассматривалась как в правовом отношении значимая, если не решающая, для всех других государств. К примеру, в ходе конфликта на Фолклендских (Мальвинских) островах и кризиса с заложниками в Тегеране государства, помимо соответственно Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, действовали лишь после обращения этих государств как прямых жертв, а также лишь в рамках этого обращения. В том случае, когда то или иное государство является жертвой нарушения (а интерес других государств применительно к этому нарушению, если таковое имеет место, носит более общий характер), представляется правильным, чтобы государство-жертва было в состоянии решать вопрос о необходимости принятия контрмер и о том, какие контрмеры следует принимать, в общих пределах, установленных проектами статей. Третьи государства не должны фактически иметь возможность вмешиваться в спор путем принятия контрмер, если основные стороны желают урегулировать его другими средствами. В данном случае имеет место аналогия с коллективной самообороной. В *деле о Никарагуа* Международный Суд отметил, что меры в порядке коллективной самообороны могут быть приняты третьим государством лишь по просьбе первичной стороны, по отношению к которой принято обязательство (государства, подвергшегося вооруженному нападению)⁷⁹¹. В то же время, разумеется, нормы, касающиеся применения силы, порождают обязательства *erga omnes*: они являются коллективными обязательствами. Дело *о Никарагуа* было упомянуто Судом в деле *Габчикова-Надьямарош* как имеющее актуальное значение для права, касающегося

⁷⁹⁰ В функцию Специального докладчика или Комиссии не входит вынесение оценочного суждения в частных случаях относительно того, действительно ли соответствуют фактам более или менее разделяемые представления о наличии грубых нарушений. Государства, принимающие контрмеры, делают это на свой страх и риск, и вопрос, обоснованно ли они поступают в каждом конкретном случае, является предметом для объективного рассмотрения: см. выше, пункт 289. Дело, скорее, состоит в том, что государства, принимающие эти меры, утверждали, что принятие ими этих мер оправдано исходя из и, по явной презумпции, лишь исходя из того, что приводимые основания являются подлинными, серьезными и, если устанавливается их наличие, оправдывают такую реакцию.

⁷⁹¹ *I.C.J. Reports*, 1986, p. 14 на p. 105 (para. 199).

контрмер⁷⁹², и эта аналогия, как представляется, является резонной, а то и убедительной. Если государство А не может действовать в порядке коллективной самообороны в интересах государства В без согласия государства В, то представляется неправильным считать, что оно могло бы принимать (коллективные) контрмеры в тех случаях, когда государство В является жертвой, независимо от желаний государства В. С другой стороны, если государство А, член международного сообщества, перед которым оно несет данное обязательство, не может принимать соразмерные контрмеры от имени государства В, жертвы нарушения, то тогда государство В фактически остается наедине с несущим ответственность государством, а правовое отношение, основанное на многостороннем обязательстве, фактически превращается в двустороннее на уровне его имплементации. В принципиальном плане это также представляется неправильным.

3. Предварительное заключение

401. По необходимости выводы, которые следует извлечь из рассмотренной выше практики, носят предварительный характер; практика достаточно скудна и охватывает лишь ограниченное число государств. Тем не менее существует поддержка в отношении того мнения, что государство, потерпевшее в результате нарушения многостороннего обязательства, не следует оставлять искать возмещения за это нарушение в одиночку. Если другие государства имеют право ссылаться на ответственность применительно к таким нарушениям, по крайней мере в плане требования о прекращении и заверениях о не повторении, а также о реституции от имени потерпевшего государства⁷⁹³, то представляется принципиально правильным признавать их как имеющих право принимать контрмеры с согласия этого государства. Разумеется, такие контрмеры должны соответствовать условиям, установленным самим потерпевшим государством⁷⁹⁴, и, помимо этого, необходимо признать их «коллективный характер». Таким образом, при определении в целом соразмерности реакции следует учитывать все принятые применительно к данному нарушению контрмеры. Кроме того, если несущее ответственность государство сотрудничает с потерпевшим государством в урегулировании спора, то другие государства должны уважать этот процесс. Этого можно достичь, ограничив действия «третьих» государств контрмерами, которые были бы законными, если бы их принимало само потерпевшее государство.

402. В связи с этим предлагается изменить позицию проекта статей по вопросу о коллективных контрмерах, ограничив то, в какой мере государства, не являющиеся сами прямо потерпевшими в результате нарушений многостороннего обязательства, могут принимать контрмеры. В отличие от позиции в первом чтении, в проектах статей следует ясно дать понять, что предложенное для включения в статью 40 *бис* различие между потерпевшими государствами и другими государствами, имеющими право ссылаться на ответственность, имеет последствия для права более широкой группы государств обращаться к контрмерам. В случаях, когда нарушение коллективного обязательства наносит прямой вред одному государству, другие

⁷⁹² *I.C.J. Reports*, 1997, p. 7 на p. 55 (para. 83).

⁷⁹³ См. выше, пункт 377.

⁷⁹⁴ Условия, на которых предлагается, чтобы потерпевшее государство имело право на принятие контрмер, см. выше, пункт 367.

государства, связанные этим обязательством и подпадающие под определение, предложенное в статье 40 *bis* (2), должны иметь право принимать контрмеры от имени потерпевшего государства по просьбе этого государства и с его согласия и в рамках данного согласия. Кроме того, будет необходимым адаптировать режим контрмер, принимаемых самим потерпевшим государством, чтобы он соответствовал ситуации, когда несколько государств принимают или имеют право принять контрмеры в коллективных интересах. При оценке соразмерности следует учитывать, в частности, поведение каждого государства, которое принимает такие меры. Эти условия и ограничения отражены в предложенном положении, содержащемся в пункте 413 ниже.

403. Вторая ситуация касается вопроса о коллективных контрмерах в случаях, когда ни одно государство не является потерпевшим «по смыслу статьи 40 *bis* (1), а именно нарушений обязательств в области прав человека, взятых перед международным сообществом в целом, но затрагивающих лишь граждан несущего ответственность государства. Здесь трудность состоит в том, что почти по определению потерпевшие стороны не будут иметь представительных органов, которые действительно выражают их желания на международном уровне, и есть существенный риск усугубления таких ситуаций, если третьим государствам свободно разрешено принимать контрмеры на основе своего собственного понимания ситуации. С другой стороны, трудно представить себе, что перед лицом очевидных, серьезных и постоянных нарушений общих обязательств третьи государства не должны иметь право действовать.

404. В различных контекстах, особенно контекстах прав человека и гуманитарного права, проводятся различия между отдельными нарушениями коллективных обязательств и нарушениями, носящими серьезный систематический характер. Кроме того, это делается даже в тех случаях, когда основополагающая норма является одинаковой для отдельных и для серьезных и систематических нарушений (как зачастую и случается). К примеру:

- Европейский суд по правам человека проводит различия между отдельными жалобами и делами, касающимися систематических нарушений, составляющих практику бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, считая норму об исчерпании местных средств судебной защиты не применимой в последнем случае⁷⁹⁵.
- Процедура, установленная резолюцией 1503 (XLVIII) Экономического и Социального Совета от 27 мая 1970 года, конкретно затрагивает случаи, сопряженные с «постоянным характером серьезных и достоверно засвидетельствованных нарушений прав человека и основных свобод»⁷⁹⁶.
- Определение преступлений против человечности как вопрос общего международного права подразумевает определенный порог систематических или широко распространенных нарушений, выводимый

⁷⁹⁵ Дело *Ireland v. United Kingdom*, E.C.H.R. Ser. A, No. 25 (1978), рассматриваемое во втором докладе (A/CN.4/498, 1999), пункт 123.

⁷⁹⁶ Оценку процедуры в резолюции 1503 см., например, в P. Alston, «The Commission on Human Rights» в P. Alston (ed.), *The United Nations and Human Rights* (Oxford, Clarendon Press, 1992), p. 126 на pp. 145–155.

либо из непосредственно положений, либо (как в случае геноцида и апартеида) косвенно из самого определения запрещенных деяний⁷⁹⁷.

Следует также обратить внимание на обоснование запрета на полеты самолетов в Югославию, предусмотренного Советом ЕС в его постановлении № 1901/98 от 7 сентября 1998 года. В указанном документе говорится, в частности,

«неизбирательное насилие и жестокие репрессии в отношении своих собственных граждан, являющиеся серьезными нарушениями прав человека и норм международного гуманитарного права...»⁷⁹⁸.

405. В принципе, ограничения и запрещения в отношении коллективных контрмер — в частности, озабоченность по поводу надлежащей правовой процедуры, применяемой к предположительно несущему ответственность государству, проблема вмешательства в отдельный спор и его возможного обострения — в значительной мере ослабляются в тех случаях, когда соответствующее нарушение является серьезным, явно установленным, систематическим и имеющим длящийся характер. Запрещение коллективных контрмер в таких случаях представляется неуместным. Фактически, это могло бы привести к оказанию на государства дополнительного давления в целях побуждения их к вмешательству другим, возможно менее желательным, образом. В задачи Комиссии не входит рассмотрение в настоящем контексте вопроса о правомерности гуманитарного вмешательства в связи с серьезными нарушениями обязательств перед сообществом⁷⁹⁹. Однако можно по меньшей мере заявить, что в международном праве для государств, проявляющих законный интерес к соблюдению таких обязательств, следует предусмотреть определенные средства обеспечения соблюдения, которые не связаны с применением силы.

406. По этим соображениям Специальный докладчик предлагает, чтобы проект статей допускал принятие государствами, взявшими на себя обязательство перед сообществом, коллективных контрмер в связи с серьезным и явно установленным нарушением этого обязательства, в частности в целях обеспечения прекращения и получения заверений и гарантий неповторения в интересах потерпевших сторон, не являющихся государствами⁸⁰⁰. Такие контрмеры должны соответствовать другим требованиям в отношении применения контрмер, предусмотренным в проекте статей, и в частности они не должны в своей совокупности нарушать требование о соразмерности. В тексте следует отразить данное ограничение, а не положение о том, что — как это имеет место в принятых в первом чтении статьях 40 и 47 — индивидуальные контрмеры являются следствием всякого рода ущерба в широком смысле этого слова.

⁷⁹⁷ См., например, определение «преступлений против человечности» в статье 7 Римского статута Международного уголовного суда, 1998 год, отражающее собственное определение Комиссии в статье 18 проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (*I.L.C. Report... 1996*) (A/51/10), глава 2.

⁷⁹⁸ *O.J.E.C. L 248*, 8 September 1998, p. 1.

⁷⁹⁹ Как отметил в пункте 17 своего решения от 2 июня 1999 года по делам, касающимся законности применения силы, Международный Суд, «применение силы в Югославии ... в нынешних условиях... вызывает очень серьезные проблемы международного права».

⁸⁰⁰ См. также выше, пункты 115–116 и таблица 2.

С. Дополнительные последствия «серьезных нарушений» обязательств перед международным сообществом в целом

407. Следующий вопрос заключается в том, можно ли увязать дополнительные последствия с категорией серьезных, явных или систематических нарушений обязательств перед международным сообществом в целом⁸⁰¹. Несомненно, к таким нарушениям будут применяться общие правовые последствия ответственности, и широта сферы проявления последних будет определяться серьезностью нарушения. Но существуют ли какие-либо дополнительные последствия, применимые к «серьезным нарушениям» как таковым? Необходимо выделить вопрос о дополнительных обязательствах несущего ответственность государства и возможных последствиях для других государств.

408. В отношении самого несущего ответственность государства следует отметить, что в проекте статей, принятых в первом чтении, предусматриваются лишь следующие последствия преступлений, указанных в статье 19:

- 1) предъявление требования о реституции, даже если в время предоставления реституции явно непропорционально той выгоде, которую потерпевшее государство приобрело бы вместо компенсации (статья 52(a), отменяющая действие статьи 43(c) в случае преступлений);
- 2) реституция могла бы поставить под серьезную угрозу политическую независимость или экономическую стабильность несущего ответственность государства (статья 52(a), отменяющая действие статьи 43(d));
- 3) меры сатисфакции могли бы «нанести ущерб достоинству» несущего ответственность государства (статья 52(b), отменяющая действие статьи 45(3)).

Если, как это рекомендовано, статья 43(d) будет исключена⁸⁰², останутся лишь первое и третье из этих «последствий», и представить себе фактические дела, в

⁸⁰¹ В проекте статьей, принятых в первом чтении, было отмечено, что вместо термина «преступление» можно было бы использовать «такие альтернативные формулировки, как «международно-противоправное деяние серьезного характера» или «исключительно серьезное противоправное деяние» (см. примечание к статье 40). Следует подчеркнуть, что некоторые из этих серьезных нарушений сами по себе являются отдельными правонарушениями, поскольку определение самого правонарушения обеспечивает охват только серьезных или исключительных случаев (например, геноцид, преступления против человечности). Другие (например, пытка) являются правонарушениями общего характера, которые относились бы к указанной категории при условии исключительного или систематического применения. Было высказано мнение о целесообразности включения в проект дополнительной статьи, уточняющей это положение. Данная статья могла бы быть включена в главу I части второй и могла бы предусматривать, что:

«обязательства, изложенные в настоящей части, несущее ответственность государство может иметь перед другим государством, несколькими государствами, всеми другими государствами-участниками или перед международным сообществом в целом, в зависимости от характера и содержания международного обязательства и обстоятельств нарушения и безотносительно к тому, является ли то или иное государство конечным бенефициаром этого обязательства».

⁸⁰² См. выше, пункт 145(d).

которых будет проведено различие между ними, довольно трудно. Что касается первого, то за отсутствием действительного выбора компенсации вместо реституции потерпевшей стороной⁸⁰³, реституция (если она возможна) будет носить фактически обязательный характер, принимая во внимание значимость ценностей, связанных с обязательствами перед международным сообществом в целом, и недопустимость освобождения от ответственности за их нарушение. Что касается третьего вида последствий, то в настоящее время основным элементом предлагаемой статьи 45(4) является пропорциональность⁸⁰⁴, и какой-либо необходимости в «унижении» даже государства, совершившего серьезное нарушение обязательства перед сообществом, нет. По мнению Специального докладчика, эти последствия носят тривиальный, несущественный и нереальный характер и подлежат исключению.

409. С другой стороны, учитывая ценности, лежащие в основе статьи 19 — и сохраняющие свою силу, независимо от того, признает ли кто-либо используемый для их описания термин «преступления», — возникает вопрос о возмещении причиненных серьезным нарушением убытков способом, который будет отражать серьезность нарушения и удерживать от совершения такого нарушения в будущем. Утверждается, что назначение в рамках кого-либо централизованного судебного процесса наказания, эквивалентного наказанию, предусмотренному статьей 228 Договора ЕС, выходит за рамки настоящего документа и потребует специального регулятивного режима, который в настоящее время отсутствует и который не может быть реальным образом установлен в проекте статей⁸⁰⁵. Однако позиция в отношении штрафных убытков необязательно является аналогичной, и можно предусмотреть наличие у пострадавшего государства права на предъявление требования в отношении штрафных убытков. В действительности следствием серьезных и систематических нарушений обязательств перед сообществом всегда будет наличие гораздо более многочисленной группы лиц, пострадавших косвенным образом, и большого объема подлежащей осуществлению работы по реституции. Для целей обсуждения Специальный докладчик предлагает, чтобы в случае серьезного нарушения обязательств перед сообществом, на несущее ответственность государство возлагалось обязательство оплатить штрафные убытки. В порядке альтернативы, если нынешняя формулировка статьи 45(2)(с) не будет сохранена в отношении нарушений в более общем плане⁸⁰⁶, ее можно было бы применить к категории серьезных нарушений.

Дополнительные обязательства для других государств, сталкивающихся с серьезными нарушениями обязательств перед сообществом?

410. Если в статье 52, принятой в первом чтении, предусматривается небольшое количество дополнительных обязательств для несущего ответственность государства или не предусматривается их вовсе, то в статье 53 — как это ни парадоксально — предусматриваются такие

⁸⁰³ В той мере, в какой реституция касается продолжающегося выполнения основного обязательства, возможно, даже потерпевшее государство не сможет юридически действительным образом отказаться от нее: см. выше, пункты 134, 253.

⁸⁰⁴ См. выше, пункт 193.

⁸⁰⁵ См. выше, пункты 382–383.

⁸⁰⁶ Как предложено в пункте 191 выше.

обязательства для третьих государств. В отношении серьезных нарушений, упомянутых в статье 19, третьи государства обязаны:

- «а) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого преступления;
- б) не оказывать помощи и содействия государству, совершившему такое преступление, в сохранении сложившейся в результате этого ситуации;
- с) сотрудничать с другими государствами в выполнении обязательств в соответствии с подпунктами (а) и (б); и
- д) сотрудничать с другими государствами в осуществлении мер, направленных на ликвидацию последствий такого преступления».

Эти последствия были проанализированы в ранее представленном докладе⁸⁰⁷. Была высказана точка зрения, заключающаяся в том, что если не принимать во внимание вызывающую разногласия терминологию «преступлений», то они являются в общих чертах приемлемыми, однако лишь в той мере, в какой они не касаются а contrario других нарушений, которые могут не быть явными, систематическими или грубыми. Государства не могут признать в качестве законного, например, одностороннее приобретение территории, захваченной с применением силы, даже если законность применения этой силы является спорной. Государства не могут законным образом оказать содействие в удержании заложников, даже в отдельных случаях. Также для целей обсуждения Специальный докладчик предлагает сводный вариант статей 51–53. В комментарии следует разъяснить, что описанные последствия могут применяться и в других случаях, в зависимости от контекста и содержания применимой основной нормы.

Сохранение возможностей для отражения дальнейшего развития событий

411. Очевидно, что отношение к вопросам выдвижения на первый план и обеспечения выполнения обязательств перед сообществом быстро меняется⁸⁰⁸. Старые структуры двусторонней ответственности государств явно непригодны для решения проблем, связанных с серьезными нарушениями прав человека и гуманитарного права, не говоря уже о ситуациях, угрожающих выживанию государств и народов. Нельзя рассчитывать на то, что в проекте статей будет предусмотрено будущее развитие событий, и в этой связи необходимо отложить рассмотрение таких дополнительных последствий, уголовных и других, которые могут быть связаны с международно-противоправным поведением вследствие его классификации в качестве преступления или нарушения обязательства перед международным сообществом в целом. Такое решение, вероятно, могло бы быть расценено как признание неудачи в поисках адекватных и принципиальных альтернатив существующей статье 19. Однако по мнению Специального докладчика, это является довольно реалистичным признанием пределов кодификации и прогрессивного развития в период быстрых институциональных и политических преобразований.

⁸⁰⁷ Первый доклад (A/CN.4/490/Add.1), пункт 51.

⁸⁰⁸ См. выше, пункты 372, 391 и ср. пункт 382.

D. Резюме выводов, касающихся части второй главы III и части второй бис

412. Руководствуясь этими соображениями, Специальный докладчик предлагает сформулировать часть вторую, глава III, следующим образом:

**[Глава III
Серьезные нарушения обязательств перед
международным сообществом в целом**

**Статья 51
Последствия серьезных нарушений обязательств перед
международным сообществом в целом**

- 1) Настоящая глава применяется к международной ответственности, которая возникает вследствие серьезного и явного нарушения государством какого-либо обязательства перед международным сообществом в целом.
- 2) Такое нарушение влечет, для государства, несущего ответственность за это нарушение, все юридические последствия любого другого международно-противоправного деяния и, кроме того, [штрафные убытки] [убытки, отражающие серьезность нарушения].
- 3) Оно влечет также, для всех других государств, следующие дополнительные обязательства:
  - а) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого нарушения;
  - б) не оказывать помощь или содействие государству, совершившему такое нарушение, в сохранении сложившейся в результате этого ситуации;
  - в) сотрудничать в осуществлении мер, направленных на пресечение такого нарушения и, по возможности, ликвидацию его последствий.
- 4) Пункты 2 и 3 не затрагивают такие дополнительные уголовные или другие последствия, которые может повлечь за собой данное нарушение в соответствии с международным правом.]

Поскольку предлагаемая глава III носит самостоятельный характер и поскольку статья 19, принятая в первом чтении, не играет никакой роли в части первой, в случае принятия главы III саму статью 19 можно исключить. Возникнет потребность в комментарии для более подробного разъяснения ограниченного содержания категории, к которой применяется глава III, и неэксклюзивности последствий, описанных в пункте (3).

413. Необходимо добавить также ряд положений в уже предложенную часть вторую бис. Прежде всего в уже предложенной статье 40 бис следует четко указать, в каких отношениях более широкая категория государств (упомянутая в пункте 2) имеет право требовать привлечения к ответственности в

соответствии с уже высказанными рекомендациями⁸⁰⁹. Условия выдвижения требования о привлечении к ответственности, сформулированные в части второй *бис*, следует, насколько это необходимо, применять и к таким государствам⁸¹⁰. Кроме того, в эту часть следует дополнительно включить следующие положения:

Статья 50A⁸¹¹

Контрмеры от имени потерпевшего государства

Любое другое государство, имеющее право требовать привлечения к ответственности какое-либо государство [в соответствии со статьей 40 *бис* (2)], может принимать контрмеры по просьбе и от имени потерпевшего государства при условии соблюдения всех условий, выдвинутых этим государством, и в той мере, в какой это государство само имеет право принимать такие контрмеры.

Статья 50B

Контрмеры в случае серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом

1) В упомянутых в статье 51 случаях, когда нарушение не ущемляет права какого-либо отдельного государства, любое государство может принять контрмеры при условии соблюдения положений настоящей главы и в соответствии с ней в целях обеспечения прекращения нарушения и возмещения в интересах потерпевших.

2) Когда более чем одно государство принимает контрмеры в соответствии с пунктом 1, эти государства сотрудничают в целях обеспечения того, чтобы были соблюдены предусмотренные в настоящей главе условия, касающиеся применения контрмер.

⁸⁰⁹ См. выше, пункты 378–379.

⁸¹⁰ Это может быть достигнуто путем дополнительного включения в предлагаемую статью 40 *бис* положений, согласно которым потерпевшее государство может ссылаться на все последствия международно-противоправного деяния в соответствии с частью второй. Кроме того, следует добавить нижеследующий пункт, касающийся более широкой категории государств, о которых в настоящее время упоминается в статье 40 *бис* (2):

«Государство, упомянутое в пункте 2, может добиваться:

- а) прекращения международно-противоправного деяния в соответствии со статьей 36 *бис*;
- б) от имени и с согласия потерпевшего государства, возмещения для такого государства в соответствии со статьей 37 *бис* и главой II;
- с) когда потерпевшее государство отсутствует:
  - i) реституции в интересах потерпевшего физического или юридического лица в соответствии со статьей 43, и
  - ii) [штрафных убытков] [убытков, отражающих серьезность нарушения] в соответствии со статьей 51(2) при условии, что такие убытки используются в интересах потерпевших в результате такого нарушения».

Кроме того, уже предложенная статья 46 *тер* (выше, пункт 284) может применяться к любому государству, требующему привлечения к ответственности, независимо от того, является или не является оно потерпевшим государством.

⁸¹¹ Эти статьи были бы помещены перед статьей 50 *бис* (Приостановление и прекращение контрмер), предложенной выше, пункт 367.

VI. Часть четвертая. Общие положения

414. Наконец, необходимо свести воедино некоторые исключаящие оговорки, уже принятые в первом чтении или предложенные впоследствии, и рассмотреть вопрос о том, какие другие положения общего характера можно было бы включить в часть четвертую. Часть четвертая должна восприниматься в качестве общей и заключительной части, разъясняющей некоторые вопросы, не затронутые в проекте статей, и устанавливающей определенную взаимосвязь между проектом статей и другими нормами и областями международного права.

A. Существующие статьи

1. Статья 37 (*lex specialis*)

415. Статья 37, принятая в первом чтении, озаглавлена «*lex specialis*». Она гласит:

«Положения настоящего проекта статей не применяются в тех случаях и в тех пределах, когда юридические последствия международно-противоправного деяния государства установлены иными международно-правовыми нормами, непосредственно касающимися данного деяния».

416. В очень кратком комментарии к статье 37 подчеркивается «*дополнительный характер положений Части второй*»⁸¹² и отмечается, что либо в документе, устанавливающем соответствующее основное обязательство, либо каким-либо иным образом государства могут «определять между собой юридические последствия соответствующего международно-противоправного деяния». Согласно этому комментарию, единственное ограничение в отношении такой свободы выбора заключается в том, что государства не могут, даже *inter se*, «предусматривать юридические последствия нарушения их взаимных обязательств, которые допускают действия, идущие вразрез с императивными нормами общего международного права, или уклоняться от контроля со стороны компетентных органов Организации Объединенных Наций, осуществляемого вследствие их ответственности за поддержание международного мира и безопасности»⁸¹³.

417. В замечаниях правительств по проекту статьи 37 высказывается поддержка этому принципу⁸¹⁴; фактически, ряд правительств предложили,

⁸¹² Комментарий к статье 37, пункт 1 (выделено в оригинале). Никаких примеров не приводится.

⁸¹³ Там же, пункт 2.

⁸¹⁴ См. обсуждение, состоявшееся в Шестом комитете, в ходе которого «отмечалось, что в проекте следует по-прежнему соблюдать *lex specialis*» (A/CN.4/496, стр. 31). Шестой комитет отметил, что конкретные договорные режимы, предусматривающие свои собственные рамки для ответственности государств, будут, как правило, превалировать над положениями проектов статей (независимо от их окончательной формы) (там же). Точно так же на своей пятьдесят четвертой сессии он отмечал, что проекты статей «не будут применяться к автономным правовым режимам, таким, как режимы, касающиеся окружающей среды, прав человека и международной торговли, которые были разработаны в последние годы» (A/CN.4/504, стр. 9).

чтобы он применялся в целом к проектам статей⁸¹⁵. Чешская Республика затронула вопрос о взаимосвязи между положениями статьи 37 и «преступлениями», рассматриваемыми в статье 19, и высказала предположение, что было бы полезно пересмотреть формулировку статьи 37 проектов, «с тем чтобы более четко указать на то, что положения Части второй тогда, когда они касаются режима, применимого в случае «преступлений», не являются просто дополнительными по своему характеру»⁸¹⁶. Она отметила, что, если «преступления» состоят в нарушении императивных норм *jus cogens*, вторичные нормы, применявшиеся в то время, «должны в силу этого также иметь императивный характер, дабы их нельзя было преступать по договоренности *inter partes*»⁸¹⁷.

418. Швейцария затронула вопрос о взаимосвязи между статьей 37 и статьей 60 Венских конвенций о праве международных договоров 1969 и 1986 годов и отметила, что при нынешней формулировке статьи 37 в случае прекращения договора в соответствии с этими положениями «может сложиться впечатление, что эта конкретная реакция ... исключает любые другие последствия, а именно последствия, вытекающие из проекта статей об ответственности государств»⁸¹⁸. Она предложила прояснить эту ситуацию и изучить вопрос о целесообразности включения оговорки относительно статьи 60 Венских конвенций о праве международных договоров⁸¹⁹.

419. Что касается расположения этого проекта статьи, то Япония предложила поместить его в главу I Части первой проекта⁸²⁰. С другой стороны, по мнению Франции, этот проект статьи можно было бы включить в вводные или заключительные положения проектов статей, поскольку, как и статьи 38 и 39, он посвящен «связи между проектом статей и прочими нормами, при этом подчеркивается дополняющий характер [данного] текста»⁸²¹.

420. Государства зачастую включают конкретные положения, касающиеся юридических последствий нарушения конкретных норм. Здесь вопрос заключается в том, являются ли эти последствия исключительными, иными словами, исключаются ли тем самым последствия, которые в противном случае применялись бы в соответствии с общим международным правом. В каждом случае это всегда вопрос толкования, и ни одно положение, аналогичное статье 37, не может предопределить его решение. В одних случаях из текста договора или из другого текста становится ясно, что наступают только

⁸¹⁵ См. замечания Германии (A/CN.4/488, стр. 34), Соединенных Штатов (там же, стр. 96), Соединенного Королевства (там же, стр. 28) и Японии («правило приоритета в отношении специального закона, бесспорно, не может относиться только к Части второй; оно также касается частей третьей и даже первой»: A/CN.4/492, стр. 14). См. также сделанное в Шестом комитете замечание о том, что «Комиссия должна разрабатывать проекты статей на основе посылки о том, что норма о *lex specialis* должна быть трансформирована в общий принцип» (A/CN.4/496, стр. 31).

⁸¹⁶ A/CN.4/488, стр. 106.

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ Там же.

⁸¹⁹ В ходе обсуждений в Шестом комитете подчеркивалась также важность учета «параллелизма между правом международных договоров и правом об ответственности государств и четкого установления дополняемости проектов статей по отношению к Венской конвенции» (A/CN.4/496, стр. 31).

⁸²⁰ A/CN.4/492, стр. 14.

⁸²¹ A/CN.4/488, стр. 106.

конкретно указанные последствия. В других случаях изменение может быть внесено в одно из положений общего права, в то время как другие положения будут применяться, как и раньше. Примером первого случая является Договоренность о правилах и процедурах урегулирования споров ВТО, в том что касается средств правовой защиты⁸²². Примером второго случая является статья 41 (бывшая 50) Европейской конвенции о правах человека⁸²³. Оба примера имеют отношение к вопросам, рассматриваемым в Части второй проектов статей, однако те же самые соображения в принципе применимы и к Части первой. Так, конкретный договор может налагать обязательства на государство, однако он может определять «государство» для этой цели таким образом, что будут возникать иные последствия, нежели те, что вытекали бы в противном случае из касающихся присвоения норм главы II Части первой⁸²⁴.

421. Специальный докладчик согласен с тем мнением, что статья 37 должна в целом применяться к проектам статей и что ее, соответственно, следует поместить в Часть четвертую. Соответственно, предлагается вариант статьи 37, который оставляет открытым вопрос о толковании⁸²⁵.

2. Статья 39 (связь с Уставом Организации Объединенных Наций)

422. Статья 39 гласит:

«Связь с Уставом Организации Объединенных Наций»

Юридические последствия международно-противоправного деяния государства, установленные положениями данной Части, должны в соответствующих случаях определяться с соблюдением положений и процедуры Устава Организации Объединенных Наций, касающихся поддержания международного мира и безопасности».

423. Замечания правительств по проекту статьи 39 несколько различаются. Ряд государств, похоже, не видят никаких проблем в том, что согласно данному проекту статьи предусмотренный в Уставе механизм поддержания международного мира и безопасности имеет преимущественную силу над положениями Части второй проектов статей⁸²⁶. Соединенные Штаты,

⁸²² См. выше, пункт 157, сноска 311.

⁸²³ См. выше, пункт 156, сноска 304.

⁸²⁴ Ср. «федеральные» оговорки в договорах, позволяющие исключать некоторые административные единицы государства из сферы действия договора (например, Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, 1965 год, статьи 70, 72) или ограничивающие обязательства в отношении таких единиц (например, Конвенция ЮНЕСКО о защите всемирного культурного и природного наследия, 1972 год, статья 34).

⁸²⁵ См. ниже, пункт 429.

⁸²⁶ См. замечания Чешской Республики (говорит о «международных преступлениях» и отмечает, что «в вопросах поддержания международного мира и безопасности ... специальный механизм уже существует, и он должным образом учитывается в статье 39 проектов статей» (A/CN.4/488, стр. 107)), Монголии (подчеркивает, что в тексте «следует в полной мере учитывать нынешнюю ситуацию в отношении мер, которые Организация Объединенных Наций принимает на основании главы VII своего Устава» (там же)) и Японии («не вызывает сомнений то, что согласно таким положениям, как статья 103 Устава Организации Объединенных Наций и статья 39 проекта статей, Устав Организации Объединенных Наций имеет преимущественную силу над проектами статей» (A/CN.4/492, стр. 15)).

например, «согласны с целью проекта статьи 39, состоящей в том, чтобы подчеркнуть, что Устав возлагает ответственность за поддержание мира и безопасности на Совет Безопасности и что деяние того или иного государства, должным образом совершенное согласно решению Совета Безопасности, принятому на основании главы VII, не может квалифицироваться как международно-противоправное деяние»⁸²⁷. По их мнению, в статье 103 «не только устанавливается примат Устава, но и ясно указывается на то, что последующие соглашения не могут накладывать коллизионных обязательств на государства». Таким образом, «проекты статей не умаляли бы ответственности Совета Безопасности за поддержание или восстановление международного мира и безопасности»⁸²⁸.

424. С другой стороны, Франция обеспокоена тем, что проект статьи 39 «как представляется, противоречит статье 103 Устава Организации Объединенных Наций, где не проводится никакого различия между положениями Устава»⁸²⁹, и высказывает предположение, что такое положение будет «ограничивать прерогативы Совета Безопасности»⁸³⁰. По мнению Франции, было бы предпочтительнее указать, что положения проектов статей не наносят ущерба положениям и процедурам, предусмотренным в Уставе Организации Объединенных Наций, и при этом согласуются со статьей 103 Устава, и она предлагает сформулировать эту статью следующим образом:

«Положения настоящего проекта не наносят ущерба положениям и процедурам Устава Организации Объединенных Наций, как это предусмотрено в статье 103 Устава»⁸³¹.

Соединенное Королевство, хотя и поддерживает принцип преимущественной силы Устава Организации Объединенных Наций, отраженный в статье 103 Устава и в проекте статьи 39, выступает против того, чтобы вопрос о связи между правами и обязательствами государств согласно правовым нормам ответственности государств и Уставу Организации Объединенных Наций рассматривался в этих проектах статей. По его мнению, этот вопрос «затрагивает сложные проблемы, касающиеся не только Организации Объединенных Наций, но и других международных и региональных организаций, которые могут действовать сообща с Организацией Объединенных Наций или выполнять функции, которыми они наделены в соответствии с Уставом»⁸³².

425. Что касается расположения этого проекта статьи, то, по мнению Франции, его можно было бы включить в заключительные или вводные положения проектов статей⁸³³. Япония выступает за то, чтобы поместить эту статью в

⁸²⁷ A/CN.4/488, стр. 108.

⁸²⁸ Там же. Соединенные Штаты также отмечают, что «в процессе принятия решений Совет Безопасности может учитывать принципы ответственности государств, однако проекты статей не регулировали бы такие решения».

⁸²⁹ Там же, стр. 107.

⁸³⁰ Там же.

⁸³¹ Там же.

⁸³² Там же, стр. 108.

⁸³³ Там же, стр. 107.

главу I Части первой, «поскольку статья 39 относится к проекту статей в целом»⁸³⁴.

426. Специальный докладчик в принципе согласен с этим мнением, хотя, учитывая содержание главы I Части первой, статью 39 лучше поместить в Часть четвертую. Он также согласен с тем, что нет никакой необходимости выделять положения Устава, касающиеся поддержания международного мира и безопасности, или использовать квалифицирующую фразу «в соответствующих случаях», которая выглядит многозначительной, но реального смысла в ней нет⁸³⁵. Статья 103 Устава является всеобъемлющей и носит категорический характер: ее смысл, каким бы он ни был, можно сохранить с помощью простого положения⁸³⁶.

В. Предлагаемые добавления к Части четвертой

427. Уже стало обычным, что тексты, предлагаемые Комиссией (для принятия в виде договора или в какой-либо иной форме), содержат ряд исключаящих и других общих оговорок. Они преследуют цель ограничить сферу действия документа и сохранить в силе близкие юридические положения. Характерным примером является Венская конвенция о праве международных договоров, которая содержит оговорку в отношении случаев правопреемства государств, ответственности государства и начала военных действий (статья 73), а также случая государства-агрессора (статья 75). Любая цель, которую может преследовать последняя статья, достигается здесь статьей 39, и в проектах статей, похоже, нет необходимости делать ссылку на вопросы правопреемства государств⁸³⁷. С другой стороны, существует неопределенность и неясность в отношении взаимосвязи между приостановлением или прекращением действия договоров и невыполнением договорных обязательств путем принятия, например, контрмер. Представляется вполне логичным, что в проектах статей будет продемонстрирован тот же подход, что и в статье 73 Венской конвенции, и будет сделана четкая оговорка в отношении любого такого вопроса, как юридическая сила, приостановление или прекращение действия или же содержание договора⁸³⁸. Конечно, может возникнуть вопрос, а не относится ли это и к содержанию и применимости к государству какой-либо нормы основного обычного международного права, то есть любой нормы, конкретно

⁸³⁴ A/CN.4/492, стр. 15.

⁸³⁵ Формулировка статьи 39, принятой в первом чтении, резко критикуется Г. Аранхио-Руисом, "Article 39 of the ILC Draft Articles on State Responsibility", *Rivista di diritto internazionale*, vol. 83(3), 2000, p. 1. Он предлагает либо вообще снять статью 39, либо включить положение, которое не выходило бы «за рамки статьи 103 Устава настолько, что это могло бы привести к искажению режима ответственности государств». По приведенным в документе причинам нынешний Специальный докладчик предлагает сделать простую исключаящую оговорку в отношении статьи 39, что вполне согласуется со вторым вариантом.

⁸³⁶ См. ниже, пункт 429.

⁸³⁷ Существуют различные мнения относительно того, в каких обстоятельствах может иметь место правопреемство в отношении ответственности государств. В проектах статей этот вопрос не рассматривается, поскольку он является одним из аспектов правовых норм, регулирующих правопреемство, а не ответственность государств.

⁸³⁸ Ср. предложение Швейцарии, выше, пункт 418.

определяющей содержание международного обязательства. Для содействия обсуждению ниже приводится такое предложение.

428. Другие исключаящие оговорки могут касаться следующих вопросов:

а) *Оговорка в отношении ответственности международных организаций или за действия международных организаций.* Это уже предлагалось и было в предварительном порядке согласовано Комиссией в 1998 году⁸³⁹.

б) *Случаи дипломатической защиты.* Связь между проектами статей и проектом Комиссии в отношении дипломатической защиты, наоборот, не может быть установлена путем исключения. Проекты статей охватывают случаи ответственности государств в области дипломатической защиты, а также в области прямого ущерба, причиненного одним государством другому, и это утверждение останется в силе, даже если в ходе работы Комиссии над этим вопросом будут более подробно разработаны вторичные нормы в области дипломатической защиты. Похоже, нет никакой необходимости говорить об этом в тексте; это вполне можно сделать в комментарии.

в) *Вопросы недействительности и непризнания.* Вопросы принципиальной действительности деяний государств выходят за рамки проектов статей, даже если они могут быть, по крайней мере в отдельных случаях, связаны с международно-противоправным поведением. Соответственно обстоит дело и с общими вопросами непризнания, где речь идет, в зависимости от обстоятельств, либо о принципиальной действительности, либо о политике государства. Однако и здесь, похоже, нет необходимости выделять это в тексте, а не в комментарии.

г) *Отсутствие обратной силы проектов статей.* В текстах договоров, которые являются результатом работы Комиссии, зачастую предусматривается, что их действие по существу не распространяется на события, произошедшие до их вступления в силу, однако без ущерба для возможного применения какой-либо нормы, закрепленной в договоре, который отражает общее международное право⁸⁴⁰. Поскольку решение относительно возможной формы проектов статей пока еще не принято, похоже, нет необходимости рассматривать такую оговорку на данном этапе.

е) *Оговорки в отношении определений.* В проектах статей соблюдается принцип определения терминов так, как это необходимо для конкретных целей в конкретных статьях. Никакой отдельной оговорки в отношении определений, похоже, не требуется.

С. Резюме выводов в отношении Части четвертой

429. По приведенным выше причинам Специальный докладчик предлагает следующий текст Части четвертой:

⁸³⁹ См. Доклад Комиссии международного права ... 1998 год (A/53/10), пункт 424.

⁸⁴⁰ См., например, Венскую конвенцию о праве международных договоров, 1969 год, статья 4. Однако в Венской конвенции о дипломатических и консульских сношениях 1961 или 1963 года аналогичных положений нет.

Часть четвертая

Общие положения

Статья 37

Особые положения, обусловленные другими применимыми нормами

Положения настоящих статей не применяются в тех случаях и в той мере, в какой условия или юридические последствия международно-противоправного деяния государства определяются исключительно другими нормами международного права, касающимися такого деяния.

Статья А

Ответственность международной организации или за поведение международной организации

Настоящие статьи не предопределяют решение какого-либо вопроса, который может возникнуть в связи с ответственностью по международному праву международной организации или какого-либо государства за поведение международной организации.

Статья В

Нормы, определяющие содержание какого-либо международного обязательства

Настоящие статьи не умаляют значения какого-либо вопроса, касающегося наличия или содержания какого-либо международного обязательства государства, нарушение которого может повлечь за собой ответственность государства.

Статья 39

Связь с Уставом Организации Объединенных Наций

Юридические последствия международно-противоправного деяния государства по настоящим статьям не наносят ущерба статье 103 Устава Организации Объединенных Наций.
